

„Рождение человека“.

Такъ называется новый рассказъ М. Горькаго, печатаемый въ выходящемъ на дняхъ въ свѣтъ новомъ петербургскомъ журналѣ „Завѣты.“ Передаемъ содержаніе рассказа въ извлеченіи „Моск. Газеты“.

Въ голодномъ 1892 году крестьяне изъ голодныхъ мѣстностей исполняли на Кавказѣ между Сухумомъ и Очемчирами, общественныя работы. По дорогѣ, близъ берега моря, отдыхалъ одинъ изъ работниковъ. Его нагнала группа другихъ рабочихъ, въ числѣ которыхъ была молодая, беременная баба, только что потерявшая мужа. Она отстала отъ остальныхъ, и рассказчикъ, — отдохавшій рабочій, — услышалъ вскорѣ въ кустахъ стонъ.

Раздвинувъ кусты, вижу: опираясь о стволъ орѣха, сидитъ эта баба, въ желтомъ платкѣ, глухо мычить, обнаживъ желтые волчьи зубы... Я понялъ, въ чемъ дѣло: это я уже видѣлъ однажды...

Рассказчикъ хотѣлъ ей помочь, но она оттолкнула его, ударивъ руками въ лицо и грудь, повернулась и, точно медвѣдица, рыча, хрипя, ругаясь, пошла на четверенькахъ дальше въ кусты...

— Разбойникъ... дьяволъ...

Подломились руки, она упала, ткнулась лицомъ въ землю и снова завывала, судорожно вытягивая ноги...

Рассказчикъ вспомнилъ все, что зналъ по этому дѣлу...

...Ребенокъ оретъ орловскимъ басомъ, а мать улыбается: я вижу, какъ удивительно расцвѣтають, горять ея бездонные глаза синимъ огнемъ... Синіе, они смотрятъ въ синее небо; въ нихъ горитъ и таетъ благодарная, радостная улыбка. Поднявъ тяжелую руку, мать медленно креститъ себя и ребенка...

— Слава Те, Пречистая Матерь Божія... ахъ... слава Тебѣ...

Придерживаясь рукою за вѣтку кустарника, она сидѣла, точно вымытая, безъ кровинки на сѣромъ лицѣ, съ огромными синими узорами на мѣстѣ глазъ, и умиленно шептала:

— Гляди, — какъ спитъ...

— Ты-бы, мать, легла...

— Не-е, — сказала она, покачивая головою на развинченной шеѣ, — мнѣ прибратъся надобно да идти въ эти самыя...

— Въ Очемчиры?

— Во-отъ! Наши-те, поди, сколько верстъ ушагали...

— Да развѣ ты можешь идти?

Она смотритъ подъ кустъ на маленькое, недовольно надутое лицо, изливая изъ глазъ теплые лучи ласковаго свѣта...

— Что-жъ это земляки бросили тебя?

— Они не бросили — зачѣмъ! Я сама отстала, а они — выпимши, ну... и хорошо...

— Первый у тебя?

— Первенькой... А ты — кто?

— Вродѣ какъ бы человекъ...

— Конечно, человекъ! Женатый?

— Не удостоился...

— Врешь?

— Зачѣмъ?

Она опустила глаза, подумала.

— А какъ-же ты бабья дѣла знаешь?

Теперь — совру. И я сказалъ:

— Учился этому. Студентъ — слыхала?

— А какъ-же! У насъ, у попа сынъ старшій студентъ тоже, на попу учится...

— Вотъ и я изъ эдакихъ.

Ну, пойду за водой...

Когда я возвратился, то увидалъ, что она идетъ, шатаясь и вытянувъ впередъ руку, отъ моря... Помогъ ей дойти до костра, удивленно думая:

— Эка силища звѣриная!

Потомъ пили чай съ медомъ, и она тихонько спрашивала меня:

— Бросилъ ученье-то?

— Бросилъ.

— Прописался, что-ли?

— Окончательно прописался, мать!

— Экой ты какой! А вѣдь я те помню, въ Сухумѣ примѣтила, когда ты съ начальникомъ изъ-за харчей ругался; такъ тогда и подумалось мнѣ: видно, моль, пропойца, безстрашный такой...

И, вкусно облизывая языкомъ медъ на вспухшихъ губахъ, все косилась своими глазами подъ кустъ, гдѣ спокойно спалъ новѣйшій орловецъ.

— Какъ-то онъ поживаетъ — вздохнувъ, сказала, она, оглядывая меня. Помогъ ты мнѣ — спасибо... а хорошо-ли это для него, и не знаю ужъ...

Нанилась чаю, поѣла, перекрестилась и, пока я собиралъ свое хозяйство, она, сонно покачиваясь, дремала, думала о чемъ-то, глядя въ землю снова выщѣтшими глазами. Потомъ стала подниматься.

— Неужто идешь?

— Иду.

— Ой, мать, гляди!

— Кабы мнѣ не трахнуться, — сказала она, виновато усмѣхаясь, и положила руку на плечо мое.

Новый житель земли русской, человекъ неизвѣстной судьбы, лежа на рукахъ у меня, солидно сопѣлъ...

... Мать заглядывала въ лицо сына: глаза ея, насквозь пропитанные слезами страданій, снова были изумительно ясны, снова двѣли и горѣли синимъ огнемъ неисчерпаемой любви.

Однажды, остановясь, она сказала:

— Господи, Боженка! Хорошо-то какъ, хорошо! И такъ-бы все шла, все-бы шла, до самаго ажъ до краю свѣта, а онъ-бы сынокъ — росъ, да все-бы росъ на привольѣ. Около матерней груди, родимушка моя...

... Море шумитъ, шумитъ...